

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МИФОЛОГИЧЕСКИХ СЮЖЕТОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЮВАНА ШЕСТАЛОВА

ДИНИСЛАМОВА Светлана Силиверстовна,

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

БУ «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»

(г. Ханты-Мансийск, РФ), dinislamovass@mail.ru

Введение. Творчество Ю. Шесталова – глубоко самобытное явление национальной культуры. Целью работы выступает рассмотрение формы бытования мифологических сюжетов в произведениях писателя. Объект исследования – его проза, созданная в разные годы литературного творчества, предмет – выявление особенностей интерпретации мифологических сюжетов отдельных произведений автора. Выводы, сделанные в исследовании, могут быть использованы для чтения лекций по мансийской литературе.

Материалы и методы. Материалом послужили произведения Ю. Шесталова, созданные им в разные периоды. Были использованы культурно-исторический, историко-генетический, биографический, этнофилологический методы изучения творческой индивидуальности поэта, духовных основ его личности и литературной деятельности.

Результаты исследования и их обсуждение. Отношение к фольклору Ювана Шесталова менялось на разных этапах творчества, и вместе с тем интерпретация фольклорных мотивов в каждый из периодов была преемственной по отношению к предшествовавшим. Мифы и мифические сказания автор представляет не только прямым переложением текста, но и преобразовывает их. Многие мифы получают неожиданно новое – современное звучание. Модернистское мифотворчество прослеживается в умножении персонажей из древних сказаний и сказок других народов, каждый образ которых вызывает определенные ассоциации.

Заключение. Миф имеет для писателя особую значимость. Он призван раскрыть истоки своеобразного видения мира, черты национального характера. Мифические сюжеты привносятся в повествование в тех случаях, когда речь идет о наиболее важных для героев ценностях. В целом фольклорный материал в творчестве Ю. Шесталова имеет важное историко-культурное значение, что связано с сохранением для будущего устно-поэтического наследия.

Ключевые слова: миф; интерпретация; сюжет; Ю. Шесталов.

Для цитирования: Динисламова С. С. Интерпретация мифологических сюжетов в произведениях Ювана Шесталова // Финно-угорский мир. 2017. № 4. С. 12–20.

Введение

Мировоззрение северян, формировавшееся на протяжении тысячелетий, получило отражение в национальной мифологии и фольклоре. В культуре народа манси через ритуалы и обряды до настоящих дней сохранены и архаический фольклор, и мифологический взгляд на мир. Необходимо отметить, что использование мифофольклорной традиции каждым из писателей отличается доминирующей направленностью: один автор ставит перед собой цель зафиксировать и сохранить данное наследие, другой – раскрывает специфику мифологического сознания народа через отношение героя к родной культуре, проблемам этноса, тем самым помогает читателю понять черты национального характера.

Юван Шесталов воспитывался в традиционной среде, и его знакомство с фольклорным наследием манси происходило с раннего детства. Будучи взрослым, он изучал имеющуюся литературу по мансийской культуре. В. Д. Лебедев отмечает, что в личной библиотеке писателя, которая его приятно поразила, он увидел «...все сказанное кем-либо и когда-либо о манси» [3, 29], в том числе «Собрание вогульской народной поэзии» в 4 томах, подготовленное в XIX в. венгерскими исследователями А. Регули и Б. Мункачи; 5 томов текстов на мансийском языке с переводом на немецкий, собранных финном А. Каннисто в начале XX в. и изданных в 1951–1959 гг. в Хельсинки; книги российских исследователей

К. Носилова, А. Белявского, А. Н. Баландина, И. И. Авдеева, М. Плотникова и др. К фольклорным источникам литератор обратился уже в самом начале творческого пути. Взаимодействие с ними проявилось как в содержании, сюжетопостроении и композиции произведений, их языке и стиле, характеристике героев, так и в использовании всех жанров фольклора.

В данной работе рассматриваются характер фольклорных заимствований мифологических жанров и их реализация в произведениях Ю. Шесталова; отмечается, что использование опыта фольклора писателем не всегда является актом осознанного заимствования. Чаще он подсознательно, интуитивно воплощает в сочинениях ту или иную фольклорную модель, наследованную им генетически.

Обзор литературы

Исследование опирается на труды Г. Н. Иониной, В. Д. Лебедева, А. В. Пошатаевой, С. Д.-Н. Малзуровой, Е. И. Ромбандеевой, О. А. Соляр, Ю. Г. Хазанкович, Ю. А. Калиева, В. И. Штанько.

О творческом пути Шесталова написано достаточно критических и литературоведческих работ. Однако рассматриваемый нами вопрос затронут не был.

А. Пошатаева, анализируя северные литературы, подчеркивает специфическое понимание писателями-северянами жизни природы и жизни человека, которое уходит корнями в фольклор и мифологию. На материале произведений Ю. Рыхтэу, С. Курилова, В. Санги, Ю. Шесталова и других, созданных в 1960–1980-е гг., ученым исследуется, «...как на новом витке социального и духовного развития совершенствуется художественное сознание народов Севера <...> показывается, как эстетический опыт мировой, советской и русской классической реалистической традиции преломляется в творчестве художников слова – северян, заставляя ценить, творчески осваивать и развивать крупницы эстетического мировидения, заложенного как в простейших архаических мифах, так и в первоначальных фольклорных формах» [5]. Рассматривая сочинения Ю. Шеста-

лова, А. Пошатаева отмечает, что так ярко воплотить специфику национального сознания, духовной жизни, культуры и быта своего народа ему удастся благодаря освоению фольклорных традиций.

По словам Ю. Г. Хазанкович, архаический фольклор через обряды и ритуалы не утратил живое бытование, а вместе с ним в сообществе «...сохранен мифологический взгляд на мир с присущей ему эмоциональной ассоциативностью (откуда и обилие зоо- или тератоморфных образов)» [8]. Творчество писателей Севера рассматривается ученым в контексте культурно-исторического и духовного наследия этносов: «Под “национально-специфическим” в северной прозе понимается не изображение северной экзотики, а особый художественный взгляд на литературу, присущий конкретному писателю, который творит “внутри” национальной культуры. В составе такого “взгляда” прежде всего национально-этические ценности, которые создаются культурой как способом жизни данного народа» [8].

С. Д.-Н. Малзурова, определяя специфику художественного проявления фольклорно-мифологического мировоззрения в творчестве бурятских и северных писателей, указывает, что, несмотря на разнообразие национальных условий, социально-исторических и культурных истоков, а также различный уровень развития литератур, их объединяющим началом является именно обращение к мифофольклорным истокам. Рассмотрев произведения известных писателей-северян, исследователь делает вывод, что национальные обряды и ритуалы в них становятся стержнем сюжетно-композиционной структуры, а специфичность их образной системы во многом обусловлена художественной логикой мифа: «Мифы, легенды, предания, заключающие в себе уникальность национальной идентичности и самосознания народа, в художественных текстах А. Бальбурова, Ц. Галанова, Ю. Рыхтэу и С. Курилова выполняют нравственно-эстетическую функцию и связаны с отражением мудрости, морали народа по

отношению к природе-матери, дому, самому себе» [4].

Для Ю. Шесталова постижение глубин исторической памяти народа также стало возможным через обращение к преданиям, легендам, сказаниям и мифам, которые, как справедливо заметила Е. И. Ромбандеева, «...нередко оказываются единственными источниками знаний о прошлом народа, лишенного зафиксированной истории и летописной традиции» [6, 24]. Подчеркнем, что в традиционной среде цель рассказывания сказаний, мифов и сказок заключается не только в передаче информации, но и в приобщении детей к эпическому миру, сохранность которого обусловлена культурой, в том числе фольклором, мифологией, традиционной обрядностью и ритуалами. Данная мифологическая преемственность талантливо реализована в творчестве Шесталова.

Материалы и методы

Материалом для работы послужили произведения Шесталова, созданные в разные периоды творческой деятельности: повести «Синий ветер каслания» (1964), «Сначала была сказка» (1984), роман-камлание «Откровение Крылатого Пастора» (2007). Были использованы культурно-исторический, историко-генетический, биографический, этнофилологический методы изучения творческой индивидуальности поэта, духовных основ его личности и литературной деятельности.

Результаты исследования и их обсуждение

Отношение Шесталова к фольклору менялось на разных этапах творчества, и вместе с тем интерпретация фольклорных мотивов в каждый из периодов была преемственной по отношению к предшествовавшим. До 1961 г. в лирике на родном языке поэт использовал некоторые устно-поэтические тропы и вводил в тексты стихотворений отдельных мифологических персонажей. Сборник «Миснэ» («Лесная фея») подытожил эти искания. На новом этапе, в повести «Когда качало меня солнце» и «Языческой поэме»,

фольклорное наследие представлено более полно – охвачены все жанры устного творчества, воссозданы быт, обычаи, обряды, мифологическое сознание манси. В 1990-е гг. происходит переосмысление мифологических и устно-поэтических начал традиционной культуры народа, и на их основе писатель создает личностное видение космического и планетарного сознания (сознания Торума), в котором пытается указать путь духовного спасения своего народа и всего человечества. Открывает этот период поэма «Клич журавля». Преобладающими фольклорными элементами здесь становятся мифологические персонажи положительного характера: *Мир-суснэ-хум* (Мировой смотритель (букв. За миром смотрящий мужчина)), *Эква-пыгрись* (Сынок женщины), Слово-песня. Темы нового авторского мифа – охрана окружающей среды, сохранение традиционной культуры.

Обратившись к рассмотрению мифологических сюжетов в творчестве Шесталова, отметим, что для представителя народа манси солнце и звезды, деревья и реки, облака и ветры являются одушевленными, живущими подобно людям или животным и выполняющими свое предназначение. Познавательная функция мифических сказаний существенно повлияла на художественную ткань произведений писателя. В сюжеты повестей «Синий ветер каслания», «Когда качало меня солнце», «Сначала была сказка», «Тайна Сорни-Най» и романа-камлания «Откровение Крылатого Пастора» на основе прямого цитирования включены космогонические мифы: «О сотворении земли», «Как ворон землю мерил», «Как птицы и звери на земле появились» и другие, притом они приводятся не только прямым переложением текста, но и преобразованными.

Примерное содержание «Сказания о возникновении земли» *«Мā тэлум ялыу мōйт»* следующее: «Живут жена и муж у торфяного клочка. У них есть один белый ворон. Вокруг дома повсюду вода; нет земли. Муж не выходит на улицу, что представляет собой улица (мир вне дома), он не знает. Так поживали; однаж-

ды из верхнего мира (с неба) слышался гром (гул, грохот). Муж из окна смотрит на улицу – сверху, с неба летит железная гагара...» [6, 137]. Она нырнула в воду, чтобы найти землю. На следующий день прилетел с неба «железный лулы». Когда он вынырнул из воды, на кончике клюва у него «кусочек земли торчал». Он мазнул ее на угол дома и улетел обратно. На третий день земля начала постепенно расти, расширяться.

В повести «Синий ветер касания» данный миф приобретает неожиданно новое – современное звучание. Вокруг бывшего шамана Потепки прыгают дети и задают ему вопросы: «Мальчишка, не выше маленького олененка, спросил протяжно, напевно:

– Почему Гагарин летает по небу? Он не шайтан, он человек. Почему же он так высоко летает? Почему мой отец не может взлететь к небу? Мой отец грамотный, он учитель, а подняться в космос не может.

Потепка не прервал пляски. Он только чуть-чуть замедлил ее и запел в такт своим движениям:

Маленький, точно палец, мальчик
Задал мне, старику, вопрос:
Почему не шайтан, а человек Гагарин
В небо взлетел, поднялся в космос?
Слушай, маленький, точно палец, мальчик.
Носит Гагарин имя священной

птицы гагары,

Потому и взлетел он до самого неба» [10, 376].

Взяв за основу древнее мифологическое сказание, писатель выстраивает новое; ключом к трансформации символического образа служит созвучие слов «гагара» – «Гагарин».

В другом произведении – повести для детей «Сначала была сказка» – прежде чем представить фольклорный текст (также прямым цитированием), автор показывает подготовку героя к рассказыванию, тем самым подчеркивая ответственность и важность данного мероприятия: «Ась-ойка встает. На пень кладет оленью шкуру. Садится поудобнее и начинает пробовать голос. Прокашливается и что-то бормочет про себя. Потом долго молчит. Я чувствую по приготовлении

ям Ась-ойки, что он собирается сказать что-то важное...» [11, 64]. Затем начинается сказание, в повести их шесть.

Последним произведением Шесталова является роман-камлание «Откровение Крылатого Пастора». Обозначение наряду с литературным фольклорного жанра говорит о том, что здесь представлены и романная, и эпическая поэтика. Известно, что камлание как основная форма культовой деятельности шамана выполняется для того, чтобы получить какое-либо сакральное знание или совершить путешествие в иные миры, узнать будущее, выполнить акт исцеления, сопроводить душу усопшего в царство мертвых. Так и герой Шесталова, став мифологическим Крылатым Пастором, путешествует во времени и пространстве.

Начинается повествование с мифа о сотворении земли: «Женщина и Мужчина живут. Живут в своем домике, на клочке земли. Земли не видать: вокруг вода...» [9, 19]. Параллельно данному тексту, на основе перебивок, писатель создает новый миф. Его персонаж в земной жизни пошел в баню на берегу шаман-речки и не помнит, как оказался в лодке, кругом вода. Он задается вопросами: «Почему я один? Где моя женщина?» [9, 19]. Вскоре непонятным образом герой оказывается в *товлынг хап* – крылатой лодке среди роботов, будучи для них невидимым *Сам-Сай*, по мифологии манси, «духом по ту сторону глаз» (букв. Заглазный). Рядом с ним появляется *Куль* – царь тьмы, подземелья, дух смерти, болезней и недугов:

«Я – Куль! – изрек он угрожающе. – Разве ты меня не знаешь?

Как не знать: каждый манси знает. С первого проблеска сознания каждый манси знает, что подстерегает его Куль, если что не так...

Дрожь пронизала мое тело. Космический холод противоречил недавнему теплу и восторгу, наполнявшему меня с головы до пят. Я был потрясен до потери сознания» [9, 21].

Главной в романе-камлании является тема любви – к матери, к женщине, к жизни. Через мифологические образы отдельными штрихами писатель вос-

создает личную драму: смерть жены и испытание новым счастьем. Вскоре герой уже начинает ощущать себя мифологическим Крылатым Пастором. В мифе Ногастого (земного) Пастора сделала крылатым вина его женщины. Герой Шесталова ставит в вину жене то, что она не была способна поверить, что Пастор – крылатый. Поддавшись новым чувствам и потеряв жену, он ищет для себя оправданий: «Ты же мой космос не признавала. Дурачество, мол, испившегося стихотворца. Мол, лишь мои юношеские стихи были настоящими. Ты знала их наизусть. Те книги для тебя были библией. А космос мой почему-то невзлюбила. Что ж ты сама оказалась в космосе?! Что ты мучаешь меня, почему не отпускаешь? Почему приходишь в мои сны?» [9, 66].

Став крылатым, герой размышляет: «Крылатый Пастор? Кто я? Я – существо загадочное, крылья есть у меня. Но и не лишен я ног, частенько ковыляю среди обыкновенных смертных. И все же я крылат. И знаю наивысший путь к звездам. Наводя мосты между мирами, я знаю такое, что недоступно простым смертным. Смерть и для меня тайна из тайн» [9, 72]. Г. Н. Ионин отмечает, что «...текст романа беспредельно свободен. В нем легко утонуть, из него поначалу трудно выплыть... Пять камланий... И в самом деле: читатель с первых же строк испытывает на себе энергетику неистовой шаманской импровизации. Образный поток оглушает и подчиняет себе не только стремительностью и мощью выражения чувств, но и доверительностью бесстрашного и безоглядного самораскрытия» [1, 9]. Завершает произведение откровение «Мутра» («Мудрость»), в котором герой, став крылатым, как и в мифе о Крылатом Пасторе, взмывает в небеса, в космос, в первородную бездну времени.

В данном произведении Шесталов переосмысливает и модернизирует сюжет древнего мифа. Модернистское мифотворчество прослеживается в умножении персонажей из древних сказаний и сказок других народов, каждый образ

которых вызывает определенные ассоциации. В романе-камлании представлены *Нуми-Торум* (Верхний Бог), *Торум* (Бог), *Куль*, Крылатый (и Ногастый) *Пастор*, *Сам-Сай*, *Мир-суснэ-хум*, Баба-яга (в интерпретации автора *Опа-аги* (Отец-дочь)), *Сорни-нэ* (Золотая женщина), Адам и Ева (в интерпретации автора *Атя* «отец» (манс.), *Эви* «девушка» (хант.)).

Мифологические персонажи в творчестве писателя многовариантны. Они призваны показать влияние стихии народных поверий и легенд на формирование у героя веры в реальность разнообразных духов и богов. Примечательно, что в романе-камлании «Откровение Крылатого Пастора» особую роль играет авторская интерпретация образа *Мир-суснэ-хума*, и постепенно поэт сам становится религиозно-мифологическим персонажем.

Заключение

О. Соляр пишет: «Манси мыслят легендами и мифами. Во всяком случае, Юван Шесталов точно всю историю семьи переложил на цепочку легенд и былин, которые знает и помнит народ» [7, 48]. Писатель, как и его дед Ась-ойка, верит, что события и герои мифа не просто «когда-то были», но и сегодня продолжают жить. Основа мифа у него не подвергается сомнению, – это и знания, и доверие той действительности, которая утверждает единство реальности космического и земного. «Где миф, где реальность? Двадцать первый век, а манси не начинают работу на чужой земле без приветствия древним духам реки Эсс. Боятся наказания речного духа, даже воду носят из ручья за полтора километра. Не косят траву, не ломают веток, не копают ямок для столбов. Для них эта река священна», – продолжает автор статьи «Изменение действительности», приводя пример из жизни пелымских манси, которые в начале XXI в. были задействованы в строительстве музея «Суеват пауль» в г. Югорске [7, 49].

Приведенные слова О. Соляр подтверждают тезис о том, что мифологиче-

ское мышление – это «...не просто безудержная игра фантазии, а своеобразное моделирование мира, позволяющее фиксировать и передавать опыт поколений» [12, 15]. Это, во-первых, коллективное сознание, когда все члены сообщества мыслят или осознают мир одинаково, отождествляют себя с другими; во-вторых – родовое, основанное на сохранении исторической памяти предков. С помощью обряда люди обретают защищенность и стабильность, тем самым ощущают полноценность бытия.

Точно также, именно в ракурсе мировоззрения этноса, сформировавшегося на протяжении тысячелетий, писатель-мани оценивает жизнь. Он, впитавший с ранних лет родную мифологию, находит оригинальные способы ее передачи, которые каждый раз новы и уникальны. Уже в начале творческого пути, как отмечают исследователи, его голос выделился на фоне северного литературного региона. А. Пошатаева подчеркивает: «О Юване Шесталове, как, может быть, ни об одном другом представителе народов Крайнего Севера и Дальнего Востока, можно сказать, что его творчество основывается на глубоком постижении фольклора. На этой почве, насыщенной национальными художественными традициями, впитавшей в себя родники поэтического мироощущения народа, произросло самобытное дарование Шесталова. Основываясь на глубоком знании эпоса, используя эстетические богатства поэтического сознания своего народа, Шеста-

лов создает свою образную систему, свой творческий почерк, оригинальную поэтику и стилистику» [5].

Таким образом, миф имеет у писателя особую значимость и эволюционирует. Он призван раскрыть истоки своеобразного видения мира этноса. Мифические сюжеты привносятся в повествование в тех случаях, когда речь идет о наиболее важных для героев ценностях.

В произведениях Ю. Шесталова миф занимает основное место. Мифо-фольклорные мотивы настойчиво используются им на протяжении всего созидательного пути. Помимо литературного значения (фольклор раскрывает специфику мифологического сознания и помогает понять черты национального характера народа манси) обращение к фольклорному материалу имеет важное историко-культурное значение: сохранение устно-поэтического наследия для будущих поколений.

Как начальная форма общественного сознания мифы охватывали практически все стороны жизни древних людей. С развитием духовной культуры на смену мифологическому мировосприятию пришло религиозное. Как отмечает Ю. А. Калиев, «...возможными результатами выделения религии из недр и пут мифологического являются стадийно близкие формы религии – язычество и шаманизм» [2, 130]. Мансийская мифология, будучи в тесной взаимосвязи с религиозным мировоззрением, сохранила уникальность до настоящего времени.

Поступила 25.12.2017, опубликована 12.03.2018

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ионин Г. Н. Новый Шесталов // Шесталов Ю. Избранное. Москва, 2007. С. 3–16.
2. Калиев Ю. А. Мифологическое сознание мари. Феноменология традиционного мировосприятия. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. ун-та, 2003. 216 с.
3. Лебедев В. Д. Моя любовь и страсть. Место обзора // Мансийская литература / сост. В. В. Огрызко. Москва, 2003. С. 29–46.
4. Малзунова С. Д.-Н. Мифо-фольклорные истоки прозы народов Сибири и Севера 60–80-х гг. XX века. URL: <http://www.dslib.net/literatura-rosii/mifo-folklornye-istoki-prozy-narodov-sibiri-i-severa-60-80-h-gg-xx-veka.html> / Библиотека диссертаций dslib.net (дата обращения: 28.01.2017).
5. Пошатаева А. В. Литературы народов Севера. Роль духовного наследия в художественном опыте современно-

- сти // Диссертации по гуманитарным наукам. URL: <http://cheloveknauka.com/literatury-narodov-severa-rol-duhovnogo-naslediya-v-hudozhestvennom-opyte-sovremennosti#ixzz4SdFkBRVQ> (дата обращения: 12.12.2016).
6. Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: Северный дом, 1993. 207 с.
 7. Соляр О. Изменение действительности // Мансийская литература / сост. В. В. Огрызко. Москва, 2003. С. 47–61.
 8. Хазанкович Ю. Г. Концепция мира и человека в прозе народов Севера // Научная библиотека диссертаций и авторефератов. URL: <http://www.dissercat.com/content/kontseptsiya-mira-i-cheloveka-v-proze-narodov-severa#ixzz4Wy67W9af> <http://www.dissercat.com/content/kontseptsiya-mira-i-cheloveka-v-proze-narodov-severa> (дата обращения: 15.08.2016).
 9. Шесталов Ю. Откровение Крылатого Пастора // Избранное. Москва, 2007. С. 17–108.
 10. Шесталов Ю. Синий ветер каслания // Собрание сочинений. Санкт-Петербург; Ханты-Мансийск, 1997. Т. 1. С. 309–459.
 11. Шесталов Ю. Сначала была сказка // Собрание сочинений. Санкт-Петербург; Ханты-Мансийск, 1997. Т. 4. С. 49–225.
 12. Штанько В. И. Философия и методология науки: учеб. пособие для аспирантов и магистрантов естественно-научных и технических вузов. Харьков: ХНУРЭ, 2002. 292 с.

INTERPRETATION OF MYTHOLOGICAL PLOTS IN THE WORKS BY YUVAN SHESTALOV

DINISLAMOVA Svetlana S.,

Candidate Sc. {Philology}, Leading Research Fellow, Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development (Khanty-Mansiysk, Russia), dinislamovass@mail.ru

Introduction. Works by Yu. Shestalov is a deeply original phenomenon of national culture. The purpose of the work is to study the form of existence of mythological subjects in the works of the writer. The object of the research is his prose, created in various years of literary creativity; the subject is the identification of interpretation features of the mythological plots found in some of his works. The results of the research can be used for lectures on the Mansi literature.

Materials and Methods. The material was the works by Yu. Shestalov, created in different periods. Cultural-historical, historical-genetic, biographical, ethnic and philological methods were employed to study the creative individuality of the poet, the spiritual foundations of his personality and literary activity.

Results and Discussion. Attitude to the folklore of Yuvan Shestalov varied at different stages of his works, and at the same time in each of the periods the interpretation of folklore motifs was consistent with the preceding ones. The author presents myths and mythical tales not only as a direct narration, but he also transforms them. Many myths receive unexpectedly new modern sound. Modernist approach to myth-making is traced in the multiplication of the characters from old tales and tales of other peoples, each image leading to certain associations.

Conclusion. Myths have a special significance for the writer. He is called upon to reveal the origins of a peculiar vision of the world, a feature of a national character. Mythical stories are brought into the narrative when it comes to the most important values for the characters. Generally, folklore material in the works by Yu. Shestalov has an important historical and cultural significance, which is associated with the preservation of the oral and poetic heritage for the future.

Key words: myth; interpretation; plot; Yu. Shestalov.

For citation: Dinislamova SS. Interpretatsiia mifologicheskikh siuzhetov v proizvedeniakh Iuvana Shestalova [Interpretation of mythological plots in the works by Yuvan Shestalov]. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2017; 4: 12–20. (In Russian)

REFERENCES

1. Ionin GN. Novyi Shestalov [New Shestalov]. *Shestalov Iu. Izbrannoe* = Yu. Shestalov. Collected works. Moskva; 2007: 3–16. (In Russian)
2. Kaliev IuA. Mifologicheskoe soznanie mari. Fenomenologiya traditsionnogo mirovospriyatiia [Mythological consciousness of the Mari. The phenomenology of the traditional worldview]. Ioshkar-Ola; 2003. (In Russian)
3. Lebedev VD. Moia liubov' i strast'. Vmes-to obzora [My love and passion. Instead of a review]. *Mansiiskaia literatura* = Mansi literature. Moskva; 2003: 29–46. (In Russian)
4. Malzurova SD-N. Mifofol'klornye istoki prozy narodov Sibiri i Severa 60–80-kh gg. XX veka [Mythological and folklore sources of the prose of the peoples of Siberia and the North of the 60–80-ies of XX century]. Available from: <http://www.dslib.net/literatura-rosii/mifo-folklornye-istoki-prozy-narodov-sibiri-i-severa-60-80-h-gg-xx-veka.html> (accessed 28.01.2017). (In Russian)
5. Poshataeva AV. Literaturny narodov Severa. Rol' dukhovnogo nasledii v khudozhestvennom opyte sovremennosti [Literature of the peoples of the North. The role of spiritual heritage in the artistic experience of modernity]. *Dissertatsii po gumanitarnym naukam* = Dissertations in the humanities. Available from: <http://cheloveknauka.com/literaturny-narodov-severa-rol-duhovnogo-naslediya-v-hudozhestvennom-opyte-sovremennosti#ixzz4SdFkBRVQ> (accessed 12.12.2016). (In Russian)
6. Rombandeeva EI. Istoriia naroda mansi (vogulov) i ego dukhovnaia kul'tura (po dannym fol'klora i obriadov) [The sacred legend about the creation of the Earth]. Surgut; 1993. (In Russian)
7. Soliar O. Izmenenie deistvitel'nosti [Changing of reality]. *Mansiiskaia literatura* = Mansi literature. Moskva; 2003: 47–61. (In Russian)
8. Khazankovich IuG. Kontseptsii mira i cheloveka v proze narodov Severa [The concept of the world and the person in prose of the

- peoples of the North]. *Nauchnaia biblioteka dissertatsii i avtoreferatov* = Scientific library of dissertations and author's abstracts. Available from: <http://www.dissercat.com/content/kontseptsiya-mira-i-cheloveka-v-proze-narodov-severa#ixzz4Wy67W9af> <http://www.dissercat.com/content/kontseptsiya-mira-i-cheloveka-v-proze-narodov-severa> (accessed 15.08.2016). (In Russian)
9. Shestalov Iu. Otkrovenie Krylatogo Pastora [The Revelation of the Winged Pastor]. *Izbrannoe* = Selected works. Moskva; 2007: 17–108. (In Russian)
 10. Shestalov Iu. Sinii veter kaslaniia [The Blue Wind of the Nomadism]. *Sobranie sochinenii* = Selected works. Sankt-Peterburg; Khanty-Mansiisk; 1997; 1: 309–459. (In Russian)
 11. Shestalov Iu. Snachala byla skazka [First There Was the Tale]. *Sobranie sochinenii* = Collected works. Sankt-Peterburg; Khanty-Mansiisk; 1997; 4: 49–225. (In Russian)
 12. Shtan'ko VI. Filosofii i metodologii nauki: ucheb. posobie dlia aspirantov i magistrantov estestvenno-nauchnykh i tekhnicheskikh vuzov [Philosophy and methodology of science. Textbook for students and graduates of technical universities]. Khar'kov; 2002. (In Russian)